

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

DOI: 10.17223/17267080/58/1

В.С. Кубарев

Омский государственный технический университет (Омск, Россия)

Методологические инструменты постнеклассической психологии: транспективный анализ

Обосновывается эвристичность системно-антропологического подхода, в рамках которого психологическая наука рассматривается как открытая саморазвивающаяся система; одним из основных методов исследования этой системы является транспективный анализ. Применение данного метода позволило, с одной стороны, представить современную психологию как динамически развивающееся целое, в котором различные парадигмы оказываются этапами становления психологической науки, этапами, на которых происходит закономерное усложнение объекта психологии и схем профессионального мышления по линии классика – неклассика – постнеклассика; с другой – наметить актуальные тенденции, связанные с переходом психологии на постнеклассический этап развития. На примере анализа смысловых структур жизни человека показано, что основной современной тенденцией развития системы психологического знания является синтез четырех психологических подходов: феноменологического, нарративного, экзистенциального и психотехнического. В качестве методологической базы такого синтеза рассматривается представление о человеке как открытой, уникальной саморазвивающейся системе.

Ключевые слова: *системно-антропологический подход; транспективный анализ; открытая уникальная саморазвивающаяся система; смысловые структуры жизни.*

Научная картина современной психологии представляет собой достаточно пестрое и многообразное концептуально-теоретическое образование, включающее различные, порой взаимно исключающие психологические системы (например, номологическая и идеографическая (А.Г. Асмолов), экзистенциально-практическая и теоретико-экспериментальная (С.М. Морозов), естественнонаучная и гуманитарная (А.В. Юревич), психотехническая и академическая (Ф.Е. Василюк)). Отношение к этому разнообразию различное. Одни исследователи говорят о необходимости парадигмального монизма (Е.Е. Соколова), другие выступают за концептуальный плюрализм, обосновывая его тем, что психиче-

ская реальность – это сложный многоаспектный феномен, требующий разнообразных подходов к «своему» исследованию (А.В. Юревич, Т.В. Корнилова). Это концептуально-теоретическое многообразие современной психологии привело к так называемому методологическому буму (А.В. Юревич), заставляя исследователей вводить в проблемное поле не столько предмет исследования, сколько конструктивные схемы психологического знания, методологические инструменты, посредством которых предмет познается. Под инструментами в данном случае понимаются конструкты (Г.П. Щедровицкий) научно-психологического мышления, средства мыслительной деятельности (онтологические схемы, принципы, понятия), посредством которых конструируются предметная область науки, ее предмет и объект. Исследователи обращаются к методологическим основам мышления, осмысливая и переосмысливая его классические и неклассические инструментальные (парадигмальные) схемы. За «методологическим бумом» стоит настоятельная необходимость в поиске пути выхода из кризисной ситуации развития, в которой очередной раз оказалась психология.

Проблематизируя ее современное состояние, В.Ф. Петренко отмечает: «Психологи тех или иных направлений работают в рамках уже сложившихся парадигм, увеличивая объем эмпирии, и совершенствуют качество используемых методик, но не предлагают никаких кардинально новых идей» [1. С. 94]. Причина этому – отсутствие конструктивного диалога между представителями различных парадигм. Собственно проблема современной психологии, по мнению В.Е. Ключко, заключается в том, что «самопроизвольно множатся “знания в лохмотьях”, а выстроенные локальными парадигмами, на которых базируются теории, «концептуальные перегородки» недостаточно проницаемы для конструктивного диалога» [2. С. 157].

С нашей точки зрения, на фоне описанной выше картины, ее содержательной пестроты и «диалогической непроницаемости» перспективным является системно-антропологический подход (В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, О.М. Краснорядцева, О.В. Лукьянов), в рамках которого психологическая наука рассматривается как открытая саморазвивающаяся система, одним из основных методов исследования которой является транспективный анализ. Раскроем, что означают два основополагающих конструкта: открытая саморазвивающаяся система и транспективный анализ.

С позиции системно-антропологического подхода каждая наука, в том числе и психология, имеет особую логику развития. Эта логика заключается в закономерном поэтапном изменении исследовательских установок и происходит в форме так называемых парадигмальных сдвигов мышления, в которых осуществляется постепенный переход от классической к неклассической и далее – к постнеклассической методологии науки. В этом контексте В.Е. Ключко [3] отмечает, что психологию можно рассматривать не только как «закрытую систему, растущую снизу», т.е. в процессе расширения конкретно-научных исследований, но и как открытую саморазвивающуюся систему, имеющую свои внутренние объективные тенденции развития, проявляющиеся в смене идеалов рациональности.

В этом контексте психология как наука представляет собой развивающееся целое, в некотором смысле не зависящее от исследовательской деятельности конкретных ученых и даже логикой своего развития детерминирующее эту деятельность. В.Е. Ключко отмечает: «Через ученого, хочет он с этим считаться или нет, проходит историческая транспектива: пишет он сам, но руку его направляют те, кто был до него, и, в не меньшей степени, те, кто будут после него...» [2. С. 159].

Рассматривая психологическую науку как открытую саморазвивающуюся систему, мы приходим к необходимости понимать ее не только в историческом разрезе, в рамках которого рассматривается уже сложившееся к современному положению дел знание, но не меньшее, если не большее внимание уделять тенденциям развития психологического знания, т.е. не столько прошлому, сколько будущему. Таким образом, возникает необходимость рассматривать развитие психологического знания не в линейном разрезе прошлое – настоящее, отвечая на вопрос «какими путями психология приобрела тот вид, который она имеет в настоящем?», а в более сложном и многомерном разрезе будущее – прошлое – настоящее – будущее, когда мы анализируем как прошлое науки, так и ее настоящее в свете будущего, в свете тех тенденций, которые лишь потенциально существуют, но еще не получили своей реализации. Во втором случае, например, обращение к прошлому носит не констатирующий, а продуктивный, переосмысливающий характер. Исследователь обращается к нему не для того, чтобы реконструировать историю того, что получило свое воплощение в настоящем, но скорее для того, чтобы увидеть те неочевидные аспекты, которые не нашли воплощения в настоящем, но имеют важное значение в свете актуальных тенденций, обращенных в будущее науки. В результате тексты, ставшие в психологии классическими, начинают переосмысливаться и рассматриваться в новом свете. Именно такое переосмысление сегодня происходит, например, в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского [2, 4, 5], в которой обнаруживаются постнеклассические идеалы рациональности, в понимающей психологии В. Дильтея [6 и др.].

Собственно, для реконструкции тенденций развития с точки зрения представителей системно-антропологического подхода необходим особый метод, который «позволил бы понять механизмы движения науки, возникновение тенденций ее развития, без объективации которых невозможно оценить ее актуальное состояние. Более того, отмечают авторы, ретроспективный взгляд на науку должен быть дополнен перспективным анализом, иначе прогностический потенциал самого историко-психологического исследования будет минимальным: известно, что наука должна не только фиксировать, описывать и объяснять ставшее, но и прогнозировать будущее, даже если речь идет о становлении ее самой» [7. С. 143]. В качестве такого метода и предлагается транспективный анализ, который предполагает следующие аспекты.

Во-первых, он нацелен на реконструкцию внутренней логики развития открытых саморазвивающихся систем. Авторы подчеркивают: «Он применяется в тех случаях, когда необходимо вскрыть закономерности

самодвижения сложноорганизованных целостностей, устойчивое существование которых во времени и пространстве обеспечивается динамикой их саморазвития, каковая и выступает в качестве способа их существования» [Там же. С. 144]. Смысл динамики саморазвития – усложнение системной организации науки. В.Е. Ключко с соавторами подчеркивает: «...предмет науки перестраивается в ходе становления научного познания, отражая тенденцию, проявляющуюся в виде закономерной трансформации метода науки, вбирающего в себя новые принципы, опираясь на которые, разум (теоретическое мышление) поднимается на новые (и более высокие) уровни системного видения изучаемой реальности» [Там же. С. 146]. Например, в современной истории психологии тенденция усложнения научного познания отразилась в таких теоретических конструктах, как «жизненное пространство» (К. Левин), «трансубъективное пространство» (Д.Н. Узнадзе), «смысловое поле» (Л.С. Выготский), «многомерный мир» (А.Н. Леонтьев), «жизненный мир» (Л. Бинсвангер, Ф.Е. Василюк), многомерное сознание (В.Ф. Петренко), «многомерное пространство жизни» (В.Е. Ключко). Понятие «смысл жизни» в концепции В. Франкла также является таким конструктом. Сложность этих конструктов заключается в том, что они преодолевают или, по крайней мере, нацелены на снятие дихотомического противопоставления внешнего и внутреннего, субъективного и объективного, направляя психологическое познание к смысловым структурам жизни человека и заставляя исследователей обращаться к сфере, в которой субъективное и объективное неразличимы, где происходят процессы смыслопорождения, отсылающие не к потребностям, а к возможностям человека, что существенно усложняет методы его познания.

Во-вторых, усложнение системной организации науки рассматривается именно в методологическом, а не историческом аспекте. Иными словами, транспективный анализ нацелен не на содержание психологического знания, представленного в форме тех или иных теоретических моделей квазиобъективной психической реальности, т.е., говоря словами Г.П. Щедровицкого, не на предметное знание, но на конструкты, посредством которых мыслится психическая реальность и которые выступают средствами профессионального мышления психолога. Г.П. Щедровицкий отмечал: «Мы слишком часто обращаем наши вопросы непосредственно на объекты, в то время как их нужно было бы сначала направить на наши средства, на используемые нами понятия и лишь после этого обратиться к испытаниям самих объектов» [8. С. 546]. Собственно усложнению в свете транспективного анализа подвергаются именно средства мыслительной деятельности, которые позволяют качественно, по-новому посмотреть на психологическую реальность и анализировать сложные саморазвивающиеся системы.

Соответственно, в-третьих, в качестве основной магистрали усложнения психологических конструктов и одновременно инструмента транспективного анализа системы психологического знания выступает модель парадигмальных сдвигов идеалов рациональности по линии классическое –

неклассическое – постнеклассическое. Существование обозначенных парадигмальных сдвигов в философии науки на сегодня является, можно сказать, общепризнанным фактом, получившим наиболее глубокое и разностороннее обоснование в работах В.С. Степина [9]. Но, по мнению В.Е. Ключко, в психологии эта тенденция недостаточно отрефлексирована: «Особенность современного этапа развития психологии заключается в том, что, будучи наукой специфической... психология пока не смогла отрефлектировать идущие в ней процессы. Поэтому она вынуждена опираться на опыт других наук и достаточно быстро, а потому и не всегда эффективно, переносить на себя универсальное, но добытое “в других краях” знание» [2. С. 157]. Как это неоднократно бывало в истории психологии, она перенимала опыт других наук и философии и как бы извне внедряла в научную ткань способы психологического познания и исследования. С нашей точки зрения, продуктивным на сегодняшний день является не столько перенесение универсальной логики развития наук классика – неклассика – постнеклассика в психологию, сколько рефлексия логики ее внутреннего развития в свете обозначенной тенденции. То есть важно не перенять обозначенную схему, но обнаружить ее в сердцевине самой психологии, в изменении подходов к пониманию тех или иных психических явлений и проблем.

В этой связи В.Е. Ключко отмечает: «Кажется, что для психологии сейчас самое важное заключается в поиске доказательств того, что и она, наравне с другими науками, в своем становлении подчиняется общенаучным закономерностям, конституирующим себя фактом наличия в истории психологии всех трех стадий развития, адекватным трем указанным типам рациональности» [Там же]. Это, в свою очередь, означает обнаружение обозначенных тенденций не только в современных исследованиях, но и в классических исследованиях и теориях. В.Е. Ключко подчеркивает: «В нашей науке всегда шел и продолжает идти процесс трансформации профессионально-психологического мышления, которое уже давно осваивает и уже во многом освоило то, что сегодня называют «новыми идеалами рациональности», а мы не можем этот процесс объективировать. Не побоюсь заявить, что вся история нашей науки являет собой пример непрерывного и драматического восхождения к этим идеалам, в результате чего психология может служить примером и источником позитивных метафор для многих сфер гуманитарного (и не только) познания» [Там же. С. 158]. Проблема в том, отмечает В.Е. Ключко, что «новые познавательные установки мы пересаживаем на почву психологии, не согласуя с тем потенциалом постнеклассического мышления, который накоплен в ней естественным путем» [Там же. С. 159]. Автор в первую очередь имеет в виду культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского. Но постнеклассический потенциал можно обнаружить и в других отечественных и зарубежных психологических концепциях.

В современной литературе исследование обозначенной выше парадигмальной линии развития психологии наиболее полно представлено в

работах М.С. Гусельцевой. Автор выделяет 4 этапа развития психологии: «1) допарадигмальное состояние, связанное со становлением психологии и ее пребыванием в лоне философии; 2) классическая рациональность, заявившая о себе претензией психологии на самостоятельность, становлением классической науки и завершившаяся так называемым открытым кризисом; 3) неклассическая рациональность, явившая расцвет психологических школ XX в., которые ориентируются на разнообразные схемы анализа; 4) постнеклассическая рациональность – современный этап, особенностями которого становятся “критическое самоосмысление дисциплины” (К. Джерджен), междисциплинарный дискурс, сетевой принцип организации знания и герменевтическая ориентация исследований» [10. С. 3]. Современная психология находится в процессе перехода от неклассического к постнеклассическому этапу развития.

Для каждого из обозначенных этапов, как мы отмечали выше, характерен определенный уровень сложности мышления. Рассмотрим особенности мышления в классической – неклассической и постнеклассической психологии.

Для классической психологии характерно простое психологическое мышление, построенное на «одномерно-бинарной логике классицизма». Основная особенность этого мышления – это разделение объекта исследования на две части: а) субъективную, рассматриваемую как отражение; б) объективную, рассматриваемую как отражаемое. Причем бытийное и онтологическое первенство отдается второму элементу, который рассматривается в качестве состоявшейся объективной реальности, а первый элемент – в качестве замкнутого на себе интроспективного мира сознания, всегда вторичного относительно предстоящего ему мира. В результате, как подчеркивают В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский, О.В. Лукьянов, возникают такие артефакты психологического знания, как «самоочевидность дуального устройства мира» (представление о сознании как субъективно внутреннем, противопоставленность объективно внешнему), «обсервационизм» («в рамках которого граница человека с объективной реальностью устанавливается по плоскости рецепторов» [7. С. 146]) и «антропоморфизм» («исходит из положения о том, что предметы и явления внешнего мира сами “навязываются нашему уму”, действуют избирательно на каждого из нас, выступая в качестве субъектов умыслов» [Там же. С. 147]). Как отмечают авторы, «основной порок бинарной логики заключается в том, что в качестве аксиоматической базы любой теории, построенной на ней, берутся дуальные оппозиции. Но эти оппозиции возникли благодаря сознанию (например, способность различать, где Я, а где не-Я, вовсе не является прирожденной), а потому “изучение сознания” с помощью бинарного мышления противоречит самой логике. Невозможно изучать то, что вошло в аксиоматику, в рамках теории, использующей эту аксиоматику» [Там же].

В этой связи проблематизируется основополагающий конструкт классического мышления – категория отражения. Как отмечает В.Ф. Петренко,

«базовая метафора отражения, сыгравшая позитивную роль в рассмотрении эволюции психики на стадии ее адаптации и приспособления к природной среде... на более поздних этапах развития психологической науки, когда последняя перешла, в частности, к проблематике личности, на наш взгляд, исчерпала свой эвристический потенциал и стала во многом тормозить его развитие» [1. С. 108]. Поэтому сегодня все большую актуальность приобретает, по сути, постнеклассическое положение Л.С. Выготского, что психика (сознание) «...есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма» [11. Т. 1. С. 347].

Кроме обозначенных выше артефактов, порождаемых «одномерно-бинарной логикой», для классического мышления характерно рассматривать человека как вещь среди других вещей, т.е. как самотождественный объект. М.М. Бахтин в этой связи писал, что точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим [12]. То, что подобный подход в психологии, особенно современной, недостаточен, отмечает, например, В.Ф. Петренко: «В психологии личности рассуждать о самотождественном объекте познания заведомо некорректно» [1. С. 84]. В этой связи возникает необходимость рассматривать человека не как состоявшуюся данность, наделенную неким перечнем потребностей, но как проект, как сознающую себя в мире целостность, конструирующую пространство возможностей для самореализации. А это означает рассматривать человека как открытую саморазвивающуюся систему, что и предлагается в системно-антропологическом подходе.

На смену классической одномерно-бинарной логике приходит бинарно-тернарная логика неоклассицизма. С точки зрения авторов системно-антропологического подхода, ее основным признаком является сближение противоположностей до уровня «и то и другое», предполагающее нечто третье, фиксируемое понятиями «единство», «со-бытие», «соприсутствие». Главный положительный итог применения тернарной логики заключается в том, что она вывела к идее о том, что сознание определяется организацией жизненного пространства, где «соприсутствуют» (В. Франкл) материя и дух, субъективное и объективное, внешнее и внутреннее и т.д. Постепенно укреплялась мысль о том, что предметы и явления внешнего мира начинают свое вхождение в «сферу сознания» не из мира «чистой объективности», а из другой, гораздо более сложной реальности, которая только кажется внешней... За теориями «жизненных ми-

ров», «жизненных пространств», «трансубъективных пространств», «смысловых полей» скрывается напряжение усложняющейся психологической мысли» [7. С. 147].

Именно на этом этапе развития базовой конструкцией, в свете которой рассматривается человек, становится понятие смысла. Смысловые структуры оказались единицами той самой «гораздо более сложной реальности, которая только кажется внешней». Смысловые структуры человека начинают рассматриваться как превращенные формы его жизненных отношений, кристаллизованные в смысловой структуре личности, обеспечивающей регуляцию жизнедеятельности субъекта (А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев). Появляются такие понятия, как смысл жизни (В. Франкл), смысловые матрицы (Л. Бинсвангер), ценностно-смысловые структуры (В.Е. Ключко), семантические структуры (В.Ф. Петренко), динамические смысловые системы (Д.А. Леонтьев) и т.д. Все эти смысловые образования рассматриваются как внутренние формы жизнедеятельности, которые выступают не просто как реальные регуляторы жизненных отношений человека, но и как интенциональные структуры, предопределяющие тот опыт, который человек может «иметь» в своем жизненном мире. Все обозначенные конструкты содержат в себе попытку снять противопоставление внешнего и внутреннего, субъективного и объективного, воплощая в себе единство двух сторон, разделенных бинарной логикой. Обозначенную терминальную логику можно также обнаружить в понятии переживания Л.С. Выготского, а также в представлении об объективной субъективности и субъективной объективности В.П. Зинченко.

Несмотря на то, что все обозначенные авторы так или иначе стремились преодолеть одномерно-бинарную логику классического мышления, все же определенная двойственность в их размышлениях сохранилась. Так, например, В. Франкл [13], говоря о смысле жизни, с одной стороны, отмечает, что он является и объективным, и субъективным образованием, а с другой – постоянно подчеркивает его объективность и независимость от сознания. При этом он не признает возможности его рефлексивного исследования (т.е. исследования феноменологического), что стало точкой противоречий с его учеником А. Лэнгле. Д.А. Леонтьев, рассматривая смысловые структуры личности как превращенные формы отношений, с одной стороны, понимает их как объективные структуры бытия человека в мире [14], независимые от сознания индивида, а с другой – говорит о необходимости их переосмысления как структур экзистенциальных, производных от сознания [15]. Эта двойственность сохраняется и у его ученика Е.Н. Осина [16], который, различая феномены отчуждения и отчужденности, рассмотрел первый как объективную структуру жизни, а вторую – как его субъективный коррелят, который, по его словам, и является предметом психологического исследования. В.Ф. Петренко [17], рассматривая семантические структуры сознания, относил их в первую очередь именно к сознанию, вводя имплицитное противопоставление объективным структурам жизненного мира.

Обозначенная двойственность, с нашей точки зрения, связана с тем, что понятие превращенной формы (М.К. Мамардашвили), которое хотя и преодолевает противопоставление сознания и бытия (субъективного и объективного), трактуется по-разному. В одном случае она помещается в пространство бытия человека в мире (Д.А. Леонтьев, В. Франкл), что дает повод говорить о ее объективности и независимости от сознания, а в другом, наоборот, подчеркивается, что это феномен бытия сознания, являющийся знаково-символическим, а не объективным образованием (В.С. Кубарев [18]). В конечном итоге, несмотря на синтетическую направленность, в неклассической мысли в явной или скрытой форме сохраняется противопоставление субъективного и объективного сознания и жизненного мира, нашедшее в свое время отражение в противопоставлении между описательной и объяснительной психологиями. Более того, как, например, отмечает В.Е. Ключко, это противопоставление является базовым проблемным контекстом и визитной карточкой неклассического этапа развития психологии.

Особенно ярко это противопоставление обнаруживается сегодня при попытке научного обоснования феноменологических исследований, проблемный аспект которых, как пишет Н.П. Бусыгина [19], состоит в их репрезентации, легитимизации и практике. То есть в оценке возможности отобразить некое объективное положение вещей, далее – в оценке на соответствие полученных качественных содержаний некоему объективному положению вещей и проблеме существования научной оценки качественных исследований, в основе которых методология постструктурализма, в свете которой никакой независимой от сознания человека объективности не существует. Фактически складывается такое положение дел, когда теоретически признается единство субъективного и объективного и даже утверждается первичность первого относительно второго, но в конкретных исследованиях применяются классические критерии оценки валидности, репрезентативности, надежности и т.д., в основе которых разделение сознания и бытия, субъективного и объективного с требованием доказательства соответствия первого второму. Выход из сложившейся проблемной ситуации, с нашей точки зрения, предполагает обращение к новому уровню профессионального мышления, которое В.Е. Ключко считает сверхсложным, называя в качестве основной его направленности – преодоление обозначенных выше дихотомий. Рассмотрим подробнее основные конструкты сверхсложного мышления постнеклассического этапа развития науки.

Основной миссией постнеклассической психологии, по словам В.Е. Ключко, является выделение в качестве объекта исследования уникальных открытых саморазвивающихся систем. В качестве такой системы выступает целостный человек. В этой связи, отмечают авторы системно-антропологического подхода, «масштаб видения человека как предмета психологического осмысления трансформируется: привычные триады “субъект – бытие – жизнедеятельность” или “личность – личностный рост – самореализация” сменяет постнеклассическая по сути, задающая более высокий и широкий план видения проблемы триада “человек –

жизнь – жизнеосуществление» [7. С. 148]. Это, в свою очередь, заставляет по-другому посмотреть на сознание человека: «Там, где тернарное мышление находило единство и со-бытие противоположностей, не вникая в вопрос, как же устроено это единство, более сложное мышление усматривает упорядоченное и многомерное пространство жизни. Наступает период, когда психологам придется отдать себе отчет в том, что сознание как такое и сознание в структуре целостно понятого человека – это два разных феномена» [Там же. С. 147]. В этом контексте сознание предстает перед нами не как субъективное отображение объективного мира, а как «интегративное качество человека, качество эмерджентное» [Там же. С. 148]. Эмерджентное означает: а) неделимое на составляющие его элементы; б) характеризующее целостного человека в отношении к его многомерно-му бытию. Авторы отмечают: «Никогда ранее так отчетливо не ощущалось, что функции психики и сознания не могут быть обнаружены в процессе изучения их самих, т.е. без выхода в ту систему, по отношению к которой они эту функцию выполняют» [20. С. 10].

Фактически представители системно-антропологического подхода говорят о необходимости рассматривать сознание по отношению к жизнеосуществлению человека. Здесь сознание предстает перед нами как феномен осмысления человеком себя и своей жизни, осмысления, встраивающегося в жизнь человека и этим ее перестраивающего, открывая новые жизненные перспективы. Уже существующим вариантом воплощения этого подхода в современной психологии являются исследования системной детерминации мыслительной деятельности В.Е. Ключко [21] и мышления как явления, возникающего и функционирующего в реальной жизнедеятельности, О.М. Краснорядцевой, в своих работах подчеркивающей: «Мышление – это не только решение задач, но и развитие действительности, которая раскрывается для мыслящей личности как пространство для новой деятельности» [22]. Фактически это положение является экстраполяцией в сферу психологии мышления обозначенного выше базового положения постнеклассической психологии – положения об эмерджентности сознания.

Термином, который вбирает в себя постнеклассическое понимание сознания, рассматриваемое как эмерджентное качество человека, с нашей точки зрения, является понятие «текст» в том его понимании, которое получило развитие в ставших уже классическими работах Р. Барта, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорского, П. Рикера. Подход, который объединяет этих уникальных авторов, можно назвать герменевтической феноменологией, которая в рамках психологии объединяет такие направления, как феноменологическое, нарративное, экзистенциальное, психотехническое. С нашей точки зрения, в синтезе четырех этих направлений на базе методологии культурно-исторической психологии Л.С. Выготского заключается постнеклассическая тенденция современной отечественной психологии, которую мы и обозначили как герменевтическая феноменология. Можно догадываться, насколько сложным или даже

сверхсложным должно быть профессиональное мышление, способное этот синтез осуществить. Не претендуя на исчерпывающее описание такого мышления, что на сегодня невозможно хотя бы по той причине, что переход на постнеклассический этап развития только происходит, но еще не состоялся, рассмотрим некоторые его конструкты, которые уже находят свое воплощение в психологической литературе.

Во-первых, говоря о человеке как открытой системе, мы должны рассматривать его в процессе развития, а не как состоявшуюся данность. Это означает, что: 1) смысловые структуры, которые и являются единицами анализа жизни и многомерного мира человека, рассматриваются не как застывшие образования, а как возникающие, рождающиеся, изменяющиеся и усложняющиеся темпорально организованные структуры, т.е. структуры, в которых «будущее в своей неразвернутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своем преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему» [23. С. 15]; 2) это развитие происходит в процессе взаимодействия и взаимоперехода внутреннего и внешнего, что характеризует человека как самоорганизующуюся психологическую систему [24]. По поводу последнего Г. Хакен отмечал: «...взаимодействие внутреннего и внешнего приводит к появлению новых параметров порядка», и виной тому «внутренне-внешняя сеть, часть элементов которой представлена или хранится внутренне в разуме или мозге, а часть существует (хранится или внешне представлена) во внешней среде» [25. С. 298]. Вслед за Г. Хакеном В.Е. Ключко подчеркивает: «...взаимодействие возможно там, где изначально существует соответствие между тем, что надо системе, и тем, что отвечает этой надобности из того, что находится за ее пределами. Соответствие является причиной взаимодействия и проявляет себя актом состоявшегося взаимодействия. В онтологическом плане взаимодействие есть взаимопереход взаимодействующих сторон, т.е. оно обладает порождающим эффектом» [7. С. 163]. И далее: «Главное, что эти силы (*смысловые векторы, или ценностно-смысловые структуры жизненного мира*) возникают не в человеке и не во внешней для него объективной реальности, но там, где происходит встреча объективного и субъективного и где порождаются феномены субъективно-объективного, внутренне-внешнего свойства... Иными словами, смысл без тенденции действовать есть нелепость, ничуть не меньшая, чем тенденция действовать без смысла...» [Там же. С. 162].

В переносе на психологию личности это означает, например, следующее: человек в контексте жизнеосуществления не есть состоявшаяся данность, что бы она из себя ни представляла (темперамент, характер, способности, типологические особенности и т.д.), которой можно было бы найти соответствующее применение в социуме; он вообще, как говорит А.А. Пузырей [26], тот, кто не-есть, тот, кто только еще может стать собой (в этой связи Юнг говорил, что личность – это путь и предназначение), может узнать себя [27]. По факту мы не знаем себя, как и не являемся собой. Как же мы узнаем себя? В.В. Бибихин отвечает на этот вопрос следующим образом: мы не можем узнать себя, предаваясь, например, лежа на

диване, интроспективному самоанализу (т.е. изолированно от происходящего в нашем жизненном пространстве), но лишь бросив себя на выполнение жизненно важной задачи, причем в ситуациях, в которых, как говорил М.К. Мамардашвили [28], «ты рискуешь и стоишь на карте» (а где не рисковал, там потерянное время). У В.С. Высоцкого есть по этому поводу прекрасные стихи: «Разберись кто ты: Трус? Иль избранник судьбы? И попробуй на вкус настоящей борьбы». Только решая жизненные задачи и изменяя жизненную ситуацию в соответствии с ее внутренней бытийной динамикой (М. Босс [29] вслед за М. Хайдеггером называл ее *Dasein*), задающей пространство возможностей для самоосуществления, можно узнать и одновременно осуществить себя. К.Г. Юнг в этой связи отмечал: «Величие личности растет с величием решаемых ею задач».

В свете обозначенной постнеклассической перспективы понимания личности становится очевидной ограниченность классического подхода к человеку, сводимого этим подходом к набору (не важно, целостному или атомарному) каких-то качеств, которые уже есть и поэтому их можно измерить. С точки зрения обозначенной выше тенденции человек – тот, кто не-есть. А как исследовать то, что не-есть, как исследовать возможности, а не сложившиеся данности, возможности, которые проявляют себя в качестве таковых только в момент их совпадения с условиями, в которых они могут осуществиться? Причем ни того ни другого в качестве известного не дано; и то и другое – искомое или даже неизвестное. Такое исследование возможно только как познание, встроенное в живой опыт, основная характеристика которого – эмерджентность, т.е. целостность и неразложимость на отдельные элементы. Говоря о таком познании, Н.А. Бердяев писал: «Есть познание, которое не есть познание объектов через понятия на основе универсальных начал, которое есть проникновение в существование, в конкретную действительность, которое есть соучастие в бытии, просветление жизни. И только на этих путях возможно познание духа, который всегда конкретен» [30. С. 147–167]. В этом контексте ученый, как отмечает В.Е. Клочко, должен стать практикующим эпистемологом.

Представители классической науки с завидным упорством игнорируют тот факт, что это именно метод, причем метод постнеклассической психологии, а не объект их естественнонаучных исследований. С нашей точки зрения, психоанализ как метод исследования смысловых структур жизни, а не только как психотерапия может быть обоснован в рамках культурно-исторической психологии Л.С. Выготского как метод продуктивной амплификации сознания (А.А. Пузырей). В свете обозначенных выше положений подобное исследование с необходимостью превращается в исследование психотехническое (Ф.Е. Василюк [31]), а исследуемые смысловые структуры – в бессознательные символические образования.

Здесь мы выходим на еще одну важную характеристику «человеко-размерных» (В.С. Степин) систем. В постнеклассической психологии речь идет не просто об открытых системах, но о саморазвивающихся системах. Что это означает в переносе на человека? Во-первых, то, что развитие и в

целом бытие человека опосредовано сознанием (С.Л. Рубинштейн). Возьмем, к примеру, психоанализ. В нем трансформация смысловых структур жизни осуществляется опосредованно их осознанием со стороны носителя этих структур. В этом отношении человек выступает не как объект внешнего воздействия, как это происходит в классической науке, но как субъект собственного развития, который в диалоге с аналитиком осознает действующие в нем бессознательные смысловые структуры, определяющие содержание его жизненных отношений, благодаря чему их же и изменяет (переосмысливает). Более того, в психоанализе источником изменения и средством осознания были первичные символы (сновидения как бессознательные образования). То есть опосредованно символической картиной сновидения человек в диалоге с аналитиком осознавал свои смысло-жизненные структуры (В.Е. Ключко называет их ценностно-смысловыми структурами, Л. Бинсвангер – смысловыми матрицами, Д.А. Леонтьев – экзистенциальными смыслами) и этим осознанием себя же и трансформировал, становясь более зрелой личностью.

Обратим внимание, что источником переосмысления жизненных отношений выступает не окружающий мир, а бессознательное человека (его символические образования, выражающие внутреннюю «логику» развития жизни), которое вслед за К. Ясперсом и К.Г. Юнгом можно рассматривать как экзистенциальное самобытие личности. В этом ключе и, соответственно, во-вторых, обозначенный выше принцип саморазвития может быть сформулирован следующим образом: В самобытии человека начинается то, что лишь затем осуществляется в мире [32]. И опять же самобытие – это не внутренний мир в его отдельности от мира внешнего. Термин «самобытие» обозначает здесь, с одной стороны, возможности личности, внутренние интенции ее индивидуации (К.Г. Юнг [33]), имеющие бессознательную «природу», а с другой – тенденции их воплощения в конкретных условиях, реальной жизненной ситуации, реальных жизненных отношениях, которые, в свою очередь, связаны с более широким смысловым контекстом жизненного мира. Бессознательное здесь одновременно выступает и как символизированные возможности индивидуации личности (которая в этом отношении предстает как динамическое темпорально организованное целое), и как еще не раскрытые и неосуществленные тенденции жизненного мира, определяющие направления жизненного пути человека, его судьбу и предназначение.

Эти тенденции являются чем-то вроде силовых (смысловых) полей, порой действующих вопреки сознательным устремлениям человека, но все же обнаруживаемых им, например, либо в виде «сверхчувственных качеств предметов, считаваемых эмоциями» (В.Е. Ключко), либо, что показал психоанализ, в образах сновидений, которые, казалось бы, никакого отношения к происходящему в жизненном мире не имеют. Но, как убедительно демонстрирует практика, благодаря осознанию бессознательного человек обнаруживает скрытые силовые поля своей жизни (опять же, казалось бы, являющиеся чем-то внешним относительно этого бессознательного), полу-

чая возможность их воплощения в конкретных жизненных обстоятельствах. В этом контексте, говоря о смысловых полях жизненного пространства человека, мы вслед за М.К. Мамардашвили могли бы сказать, что «вообще этот случай, как и многие другие в гуманитарных науках, показывает, что приходится оперировать понятием единого континуума бытия-сознания и рассматривать “бытие” и “сознание” лишь в качестве различных его моментов, имея в виду области, где теряют смысл классические различения объекта и субъекта, реальности и способа представления, действительного и воображаемого и т.д.» [34].

Таким образом, утверждение, что человек является саморазвивающейся системой (а это одно из основных положений системно-антропологического подхода), означает, что его жизнь и он как живой человек обладают определенной скрытой (бессознательной) логикой развития, которую, взятую в отношении к бессознательному личности, можно обозначить как процесс индивидуации (К.Г. Юнг), а в отношении к жизненному пространству – как личностный путь человека, путь жизнеосуществления, связанный с конкретными условиями его существования. Конститутивной единицей перехода бессознательных возможностей в действительное воплощение, в результате которого происходит усложнение системной организации личности, является сознание как эмерджентное качество человека, в пределе направленное на решение задачи на смысл жизни. Эта задача осуществляется в форме осознания, направленного с одной стороны, на реконструкцию и переоценку значимости существующих смысловых структур жизни (перестройку жизненного мира) и, с другой – на внесение в нее новых смысловых контекстов, связанных, с бессознательной динамикой, в которой происходит индивидуация личности (более подробно см.: [35, 36]). В этом контексте в новом ракурсе можно посмотреть, например, на инновационный потенциал личности [37], источник которого обнаруживается и не в сознании, и не в бессознательном, но в их «взаимодействии» в процессе решения задачи на смысл.

Итак, наше аналитическое движение по линии классическое – неклассическое – постнеклассическое показало тенденцию усложнения понятийных схем знаний психологии. Она действительно обнаруживается как в свете исторической ретроспективы, так и в свете перспективы, отражающей постнеклассические тенденции развития психологической науки. В этом контексте зона ее ближайшего развития, как мы смогли увидеть, заключается в синтезе четырех подходов психологии: феноменологического (в его центре – осознающий себя в системе жизненных отношений человек), нарративного (в центре которого текст, рассказ, в форме и посредством которого осуществляется осознание смысла живого опыта в виде истории жизни личности в ее событийной и темпоральной организации), экзистенциального (в центре его внимания – динамические смысловые матрицы жизненного мира и экзистенциальные возможности жизнеосуществления в нем) и психотехнического (в его центре – психологическая практика, посредством которой происходит саморазвитие человека в трех

предыдущих измерениях). Подчеркнем, что выделение обозначенной тенденции в развитии современной психологии стало возможным благодаря применению метода транспективного анализа, в основе которого представление о науке и о человеке как уникальных открытых саморазвивающихся системах. В его свете обозначенная нами в начале статьи пестрая картина концептуально-теоретического содержания психологии должна быть рассмотрена не как статическая, не как сложившееся к данному моменту развития положение дел, а как динамически развивающееся целое, в котором различные парадигмы оказываются этапами становления психологической науки, этапами, на которых постепенно происходит закономерное усложнение объекта психологии и схем профессионального мышления.

Литература

1. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Новый хронограф, 2010. 440 с.
2. *Клочко В.Е.* Постнеклассическая транспектива психологической науки // Вестник ТГУ. 2007. № 305. С. 157–164.
3. *Клочко В.Е.* Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. С. 5–19.
4. *Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология в свете постнеклассической рациональности // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. М. : Московский психолого-социальный университет, 2013. № 1. С. 5–32.
5. *Зинченко Ю.П., Первичко Е.И.* Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского – А.Р. Лурия // Национальный психологический журнал. 2012. № 2. С. 32–45.
6. *Архангельская В.В.* Значение идей Дильтея для современной практической психологии: «жизненные понятия» и «категории жизни» // Консультативная психология и психотерапия. 2005. № 2. С. 30–42.
7. *Klochko V.Y., Galazhinsky E.V., Krasnoryadtseva O.M., Lukyanov O.V.* Modern psychology: system anthropological approach // European journal of psychological studies. 2014. № 4. P. 142–155.
8. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М. : Шк. культ. полит., 1995. 800 с.
9. *Степин В.С.* История и философия науки. М. : Академический проект, 2011. 423 с.
10. *Гусельцева М.С.* Методологические кризисы и типы рациональности в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3–15.
11. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений : в 6 т. М., 1982. Т. 1.
12. *Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х гг. М. : Русские словари, 1996.
13. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 367 с.
14. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003. 487 с.
15. *Леонтьев Д.А.* Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла) : материалы междунар. конф. / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2005. С. 36–49.
16. *Осин Е.Н.* Смыслотрата как переживание отчуждения: структура и диагностика : дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.

17. *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983.
18. *Кубарев В.С.* Философско-психологическое содержание и перспективы исследования проблемы смысла жизни // *Культурно-историческая психология.* 2015. Т. 11, № 2. С. 86–99.
19. *Бусыгина Н.П.* Проблема качества качественного исследования: принципы научной и этической валидации // *Методология и история психологии.* 2009. Т. 4, вып. 3. С. 106–130.
20. *Клочко В.Е., Галажинский Э.В., Красноядцева О.М., Лукьянов О.В.* Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // *Сибирский психологический журнал.* 2015. № 56. С. 9–20.
21. *Клочко В.Е.* Системная детерминация мыслительной деятельности на стадии ее инициации // *Сибирский психологический журнал.* 1997. № 5. С. 19–26.
22. *Красноядцева О.М.* Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М. : МГУ им М.В. Ломоносова, 1997.
23. *Клочко В.Е.* Уровни сложности психологического мышления и современная когнитивистика // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2012. № 4 (20), вып. 1. С. 37–43.
24. *Клочко В.Е.* Человек как самоорганизующаяся психологическая система // *Материалы региональной конференции «Человек как самоорганизующаяся психологическая система» / Барнаульский государственный педагогический университет (г. Барнаул) ; науч. ред. О.М. Красноядцева ; ред. кол.: В.Е. Клочко, Д.Ю. Баланев. 2000. С. 3–7.*
25. *Хакен Г.* Принципы работы головного мозга. М. : ПЕР СЭ, 2001. С. 298.
26. *Гузирей А.А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М. : Смысл, 2005. 488 с.
27. *Бибихин В.В.* Узнай себя. СПб. : Наука, 1998. 577 с.
28. *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. Тбилиси, 1984 // *Куб – электронная библиотека.* URL: <http://www.koob.ru/mamardashvili/> (дата обращения: 27.03.2013).
29. *Босс М.* Недавние размышления о даэин-анализе // *Консультативная психология и психотерапия.* 2009. № 2. С. 147–167.
30. *Бердяев Н.А.* Дух и реальность // *КУБ – электронная библиотека.* URL: <http://www.klex2.ru/27x> (дата обращения: 27.03.2013).
31. *Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М. : МГППУ ; Смысл, 2003. 240 с.
32. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // *Смысл и назначение истории.* М. : Политиздат, 1991. С. 288–418.
33. *Юнг К.Г.* Психология бессознательного / пер. с нем. В. Бакусева, А. Кричевского, Т. Ребеко. М. : АСТ-ЛТД, 1998. 400 с.
34. *Мамардашвили М.К.* Превращенные формы / Как я понимаю философию. М. : Прогресс, 1992.
35. *Кубарев В.С.* Феноменология как метод осознания жизненных смыслов. Ч. 1 // *Консультативная психология и психотерапия.* 2013. № 1. С. 153–176.
36. *Кубарев В.С.* Феноменология как метод осознания жизненных смыслов. Ч. 2 // *Консультативная психология и психотерапия.* 2013. № 4. С. 10–31.
37. *Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Исследование инновационного потенциала личности: концептуальный анализ // *Сибирский психологический журнал.* 2009. № 33. С. 6–12.

Поступила в редакцию 19.09.2015 г.; принята 21.10.2015 г.

КУБАРЕВ Вячеслав Сергеевич, старший преподаватель кафедры психологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Омский государственный технический университет» (Омск, Россия).
E-mail: kubikss@yandex.ru

**METHODOLOGICAL TOOLS POST-NON-CLASSICAL PSYCHOLOGY:
TRANSSPECTIVE ANALYSIS**

Siberian journal of psychology, 2015, 58, 6-24. DOI: 10.17223/17267080/58/1

Kubarev Vyacheslav S. Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation).

E-mail: kubikss@yandex.ru

Keywords: system-anthropological approach; transspective analysis; a unique open self-developing system; semantic structures of life.

The scientific picture of modern psychology is a diverse conceptual and theoretical formation with different, sometimes mutually exclusive and impenetrable to each other psychological systems (ideographic and nomothetic, existential-practical, theoretical and experimental, psychotechnical and academic and, others). This diversity makes the researchers refer to the basis of scientific and psychological thinking, revising its conceptual tools. It is noted that in order to overcome this conceptual dissociation in psychology we can employ a promising system-anthropological approach, which perceives the science of psychology as an open self-developing system. Within this approach transspective analysis is one of the main methods of investigation.

In the light of this approach it is argued that every science, including psychology, has a special logic of its development. This logic implies the paradigm shift of thinking in which the gradual transition from classical to non-classical and further to postnonclassical methodology of science occurs. A certain form of thinking characterizes each type of science. This article discusses three of these forms:

1. Simple psychological thinking, built on the "one-dimensional binary-classical logic". The main feature of this thinking is a division of the object of study in 2 parts: a) subjective, seen as a reflection, and b) objective, considered as reflecting. It is noted that the main category of this thinking – reflection – has exhausted its heuristic value. The disadvantage of this form of thinking is the objective approach to a person as a thing among other things.

2. Binary-ternary logic of non-classical thinking. Under this thinking becomes the basic conceptual construct of the "meaning" category. It is introduced due to an attempt to remove such contrasting classical thought as a subjective-objective, external-internal, etc. by employing this additional psychic level, mediating the opposition. The article shows that in the framework of the non-classical thinking the opposition can not be removed. That was clearly revealed by trying to find scientific grounds of phenomenological research.

3. Supercomplex thinking of postnonclassical science. The subject of this type of thinking is the holistic person whose consciousness is an emergent feature. The article provides a detailed analysis of the basic principles and constructs of supercomplex thinking. An analysis of semantic structures of human life shows that the main trend in the development of modern psychological knowledge is a synthesis of the four psychological approaches: phenomenological, narrative, existential and psychotechnical. As a methodological basis of this synthesis, we can observe the concept of a human as a unique open self-developing system.

References

1. Petrenko, V.F. (2010) *Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional consciousness: Psychosemantic paradigm]. Moscow: Novyy khronograf.

2. Klochko, V.E. (2007) Postneklassicheskaya transspektiva psikhologicheskoy nauki [Postnonclassical transpective psychology]. *Vestnik Tomsskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 157-164.
3. Klochko, V.E. (2007) Zakonomernosti dvizheniya psikhologicheskogo poznaniya i problema metoda nauki [Laws of motion of psychological knowledge and the problem of the scientific method]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2. pp. 5-19.
4. Gusel'tseva, M.S. (2013) Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya v svete postneklassicheskoy ratsional'nosti [Cultural-historical psychology in the light of post-nonclassical rationality]. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya*. 1. pp. 5-32.
5. Zinchenko, Yu.P. & Pervichko, E.I. (2012) Postnonclassical methodology in clinical psychology: Vygotsky–Luria school. *Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal – National Psychological Journal*. 2(8). pp. 32-45.
6. Arkhangel'skaya, V.V. (2005) Znachenie idey Dil'teya dlya sovremennoy prakticheskoy psikhologii: “zhiznennye ponyatiya” i “kategorii zhizni” [Dilthey's ideas in modern practical psychology: “life concepts” and “category of life”]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. 2. pp. 30-42.
7. Klochko, V.Y., Galazhinsky, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2014) Modern psychology: system anthropological approach. *European Journal of Psychological Studies*. 4. pp. 142-155.
8. Shchedrovitskiy, G.P. (1995) *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow: Shk. Kul't. Polit.
9. Stepin, V.S. (2011) *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Moscow: Akademicheskii proekt.
10. Gusel'tseva, M.S. (2006) Metodologicheskie krizisy i tipy ratsional'nosti v psikhologii [Methodological crises and types of rationality in psychology]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 3-15.
11. Vygotskiy, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy*: v 6 t. [Collected Works]. Vol. 1. Moscow.
12. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy*: v 7 t. [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari.
13. Frankl, V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Translated from English and German. Moscow: Progress.
14. Leont'ev, D.A. (2003) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of notional reality]. Moscow: Smysl.
15. Leont'ev, D.A. (2005) [New horizons of the problems of meaning in psychology]. *Problema smysla v naukakh o cheloveke (k 100-letiyu Viktora Frankla)* [The problem of meaning in Humanities (the 100th anniversary of Victor Frankl)]. Proc. of the International Research Conference. Moscow: Smysl. pp. 36-49. (In Russian).
16. Osin, E.N. (2007) *Smysloutrata kak perezhivanie otchuzhdeniya: struktura i diagnostika* [Loss of meaning as an experience of alienation: The structure and diagnostics]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
17. Petrenko, V.F. (1983) *Vvedenie v eksperimental'nyuyu psikhosemantiku: issledovanie form reprezentatsii v obydenom soznanii* [Introduction to experimental psychosemantics: The study of the forms of representation in ordinary consciousness]. Moscow: Moscow State University.
18. Kubarev, V.S. (2015) The Problem of the Meaning of Life: Philosophical and Psychological Content and Research Perspectives. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 11(2). pp. 86-99. DOI: doi:10.17759/chp.2015110209. (In Russian).
19. Busygina, N.P. (2009) Problema kachestva kachestvennogo issledovaniya: printsipy nauchnoy i eticheskoy validizatsii [The problem of quality of qualitative research: scientific and ethical principles of validation]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 4(3). pp. 106-130.

20. Klochko, V.E., Galazhinskiy, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Luk'yanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9-20. (In Russian).
21. Klochko, V.E. (1997) System determination of mental activity at the stage of initiation. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 5. pp. 19-26. (In Russian).
22. Krasnoryadtseva, O.M. (1997) *Psikhologicheskie mekhanizmy vozniknoveniya i regulyatsii myshleniya v real'noy zhiznedeyatel'nosti* [Psychological mechanisms of emergence and regulation of thinking in real life activity]. Abstract of Psychology Doc. Diss. Moscow: Moscow State University.
23. Klochko, V.E. (2012) The Complexity Levels of Psychological Thinking and Modern Cognitive science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, sociology and Political Science*. 4(20.1). pp. 37-43. (In Russian).
24. Klochko, V.E. (2000) [Man as a self-organizing psychological system]. *Chelovek kak samoorganizuyushchayasya psikhologicheskaya sistema* [Man as a self-organizing psychological system]. Proc. of the Regional Conference. Barnaul. pp. 3-7.
25. Haken, G. (2001) *Printsipy raboty golovnoy mozga* [Principles of Brain Functioning: A Synergetic Approach to Brian Activity, Behavior and Cognition]. Translated from German by Yu. Danilov. Moscow: PER SE.
26. Puzyrey, A.A. (2005) *Psikhologiya. Psikhotehnika. Psikhagogika* [Psychology. Psychotechnics. Psychagogy]. Moscow: Smysl.
27. Bibikhin, V.V. (1998) *Uznay sebya* [Know yourself]. St. Petersburg: Nauka.
28. Mamardashvili, M.K. (1984) *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological topology of the way]. [Online] Available from: <http://www.koob.ru/mamardashvili/>. (Accessed: 27March, 2013).
29. Boss, M. (2009) Nedavnie razmyshleniya o dazayn-analize [Recent reflections on dasein-analysis]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and psychotherapy*. 2. pp. 147-167.
30. Berdyayev, N.A. (2013) *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. [Online] Available from: <http://www.klex2.ru/27x>. (Accessed: 27 March, 2013).
31. Vasilyuk, F.E. (2003) *Metodologicheskii analiz v psikhologii* [Methodological analysis in psychology]. Moscow: Smysl.
32. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Translated from German. Moscow: Politizdat. pp. 288-418.
33. Jung, C.G. (1998) *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Translated from German by V. Bakusev, A. Krichevskiy, T. Rebeke. Moscow: AST-LTD.
34. Mamardashvili, M.K. (1992) *Prevrashchennyye formy / Kak ya ponimayu filosofiyu* [Transformed forms / As I understand the philosophy]. Moscow: Progress. [Online] Available from: <http://www.koob.ru/mamardashvili/>. (Accessed: 27 March, 2013).
35. Kubarev, V.S. (2013) Fenomenologiya kak metod osoznaniya zhiznennykh smyslov. Ch.1. [Phenomenology as a method of understanding the meanings of life. Part 1]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and psychotherapy*. 1. pp. 153-176.
36. Kubarev, V.S. (2013) Fenomenologiya kak metod osoznaniya zhiznennykh smyslov [Phenomenology as a method of understanding the meanings of life. Part 2]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and psychotherapy*. 4. pp. 10-31.
37. Klochko, V.E. & Galazhinskiy, E.V. (2009) Investigaion of innovative potential of a personality: conceptual grounds. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 33. pp. 6-12. (In Russian).

Received 19.09.2015;
Accepted 21.10.2015